

Ю.В. Лебедев

О народных устоях характера Катерины

О цельности характера Катерины сказано немало, но эти разговоры в последнее время становятся слишком отвлеченными. Из поэтического образа, переливающегося всеми красками жизни, отжимается сухая моралистическая схема. Обратим внимание на жизненные истоки этой цельности, на культурную почву, которая ее питает. Без них характер Катерины увядает, как скошенная трава.

В мироощущении Катерины гармонически сочетается славянская языческая древность, уходящая корнями в доисторические времена, с демократическими веяниями христианской культуры, одухотворяющей и нравственно просветляющей старые языческие верования. Религиозность Катерины немыслима без солнечных восходов и закатов, росистых трав на цветущих лугах, полетов птиц, порханий бабочек с цветка на цветок. С нею заодно и красота сельского храма, и ширь Волги, и заволжский луговой простор. В монологах Катерины оживают знакомые мотивы русских народных песен:

Какова-то молоденька,
Какова-то молоденька, я бывала,
По утру раным-раненько,
По утру раным-раненько я вставала...

Или:

Ах, да я у матушки жила, как цветок цвела,
Как цветок цвела,
Ах, да я у батюшки жила, как веночек плела,
Как веночек плела.

В мироощущении Катерины бьется родник исконно русской песенной культуры и обретают новую жизнь христианские верования.

Обратим внимание, как молится Катерина, «какая у ней на лице улыбка ангельская, а от лица-то как будто светится». Что-то иконописное есть в этом лице, от которого исходит светлое сияние — образ житийного плана сродни «солнечнозрачной» Екатерине, героине чтимых народом жизнеописаний святых: «И толи кое сияние исходяще от лица ея, яко не могох смотрети на ню». Но излучающая духовный свет земная героиня Островского далека от аскетизма официальной христианской морали. По правилам «Домостроя» на молитве церковной надлежало с напряжением и неослабным вниманием слушать божественное пение и чтение, а «телеснии очи долу имети». Катерина же устремляет телесные очи «горе». Ее молитва — светлый праздник духа, пиршество воображения: эти ангельские хоры в столпе солнечного света, льющегося из купола, перекликающиеся с пением странниц, щебетаньем птиц, всеобщей окрыленностью земных и небесных стихий. «Точно, бывало, я в рай войду, и не вижу никого, и время не помню, и не слышу, когда служба кончится». А ведь «Домострой» учил молиться «со страхом и трепетом, со вздыханием и слезами». Далеко ушла жизнелюбивая религиозность Катерины от изживающих себя норм старой патриархальной нравственности.

Радость жизни переживает Катерина в храме, солнцу кладет она земные поклоны в саду, среди деревьев, трав, цветов, утренней свежести просыпающейся природы:

«Или рано утром в сад уйду, еще только солнышко восходит, упаду на колена, молось и плачу, и сама не знаю, о чем молось и о чем плачу; так меня и найдут».

В мечтах юной Катерины есть отзвук христианской легенды о рае, божественном саде эдеме, возделывать который завещано было первородным людям. Жили они, как птицы небесные, и труд их был трудом свободных и вольных людей. Они были бессмерт-

ны, как боги, и время не имело над ними губительной власти:

«Я жила, ни об чем не тужила, точно птичка на воле. Маменька во мне души не чаяла, наряжала меня, как куклу, работать не принуждала; что хочу, бывало, то и делаю... Встану я, бывало, рано; коли летом, так схожу на ключок, умоюсь, принесу с собой водицы и все, все цветы в доме полью. У меня цветов было много-много».

Очевидно, что легенда о рае обнимает у Катерины и всю красоту жизни земной: молитвы восходящему солнцу, утренние посещения ключей-студенцов, светлые образы ангелов и птиц. Позднее, в трудную минуту жизни, Катерина посетует:

«Кабы я маленькая умерла, лучше бы было. Глядела бы я с неба на землю да радовалась всему. А то полетела бы невидимо, куда захотела. Вылетела бы в поле и летала бы с василька на василек по ветру, как бабочка».

В ключе этих мечтаний Катерины и другое нешуточное стремление — полететь:

«Отчего люди не летают!.. Я говорю: отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела. Попробовать нешто теперь?»

Откуда приходят к Катерине эти фантастические мечты? Не плод ли они болезненного воображения, не каприз ли утонченной натуры? Нет. В сознании Катерины пробуждаются вошедшие в плоть и кровь русского народного характера древние языческие мифы, вскрываются глубокие пласты славянской культуры. Катерина молится утреннему солнцу, так как искони считали славяне Восток страной всемогущих плодородных сил. Задолго до прихода на Русь христианства, они представляли рай чудесным садом, неувыдаемым, находящимся во владениях бога света, куда улетают все праведные души, обращаясь после смерти в легкокрылых птиц. Этот рай находился у небесного ключа, над которым радостно пели птицы, а возле цвели цветы, росли ягоды, зрели яблоки и всякая овощь. Родники пользовались у славян особым почетом, им приписывалась целебная и плодотворящая сила. У источников сооружали часовни, поутру, перед посевом наши предки-крестьяне выходили к студенцам, черпали ключевую воду, окропляли ею семена или умывались, лечили себя от недугов.

Даже заключение брачных союзов славяне совершали у воды. Не отсюда ли идут у Островского поэтичные ночи на Волге, полные языческой силы и страсти?

Вольнолюбивые порывы в детских воспоминаниях Катерины не стихийны. В них тоже ощущается влияние народной культуры.

«Такая уж я зародилась горячая! Я еще лет шести была, не больше, так что сделала! Обидели меня чем-то дома, а дело было к вечеру, уж темно, я выбежала на Волгу, села в лодку, да и отпихнула ее от берега. На другое утро уж нашли, верст за десять!»

Ведь этот поступок Катерины согласуется с народной сказочной мечтой о правде-истине. В народных сказках девочка обращается к речке с просьбой спасти ее, и речка укрывает девочку в своих берегах. П. Якушкин в «Путевых письмах» передает легенду о том, как разбойник Кудеяр хотел похитить сельскую красавицу:

«Начал он уж дверь ломать. Девушка схватила икону пресвятой владычицы Богородицы, что в переднем углу стояла, выскочила в окно и побежала к Десне-реке: “Матушка, пречистая Богородица! Матушка, Десна-река! не сама я тому виною, — пропадаю от злого человека!” — Сказала те слова и бросилась в Десну-реку; и Десна-река тот же час на том месте пересохла и в сторону пошла, луку дала, так что девка стояла на одном берегу, а Кудеяр-разбойник очутился на другом! Так Кудеяр никакого зла и не сделал; а другие говорят, что Десна как кинулась в сторону, так волною-то самого Кудеяра захватила да, и утопила».

Здесь наглядно проявляется древний культ реки. Славяне верили, что все реки текут в конец света белого, туда, где ясное солнышко из моря поднимается, где воды теплые,

берега кисельные, а реки медовые. Там царство правды и добра, там живет человек в довольстве и справедливости. Искони наши предки поклонялись рекам, связывали с ними многочисленные обряды. Вдоль по Волге в долбленной лодочке пускали костромичи чучело умершего бога солнца Ярилы, провожая его до следующей весны в обетованную страну теплых вод. И по сей день сохранился древний обычай бросать стружки от гроба в проточную воду или пускать по реке вышедшие из употребления иконы. Так что порыв маленькой Катерины искать защиты у Волги — вполне сказочный и вполне социальный: здесь уход от неправды и зла в страну правды и добра, здесь неприятие напраслины с самого детства и решительная готовность оставить этот мир, если все в нем ей опостынет.

Славяне верили, что душа человека способна превращаться в бабочку или птицу. В народных песнях тоскующая на чужой стороне в нелюбимой семье женщина оборачивается кукушкой, прилетает в сад к любимой матушке, жалуется ей на лихую долю:

Я вскинусь пташечкой-кукушечкой,
Полечу я к матушке во зеленый сад.

Вспомним плач Ярославны из «Слова о полку Игореве»: «Полечу я кукушкой по Дунаю, омочу бобровый рукав в Каяле реке, утру князю кровавые раны на могучем его теле». Из языческой мифологии эти верования перешли в христианскую. В жизнеописании святой Марфы, например, есть такой эпизод: героине снится сон, в котором она видит себя окрыленной и улетающей в высоту поднебесную.

Народное сознание было обширным миром всевозможных поэтических олицетворений: реки, леса, камни, травы, цветы, птицы, животные, деревья были органами живого, одухотворенного единства. Поэтическое описание из народного «Цветника»:

«Трава Улик, а сама она красно-вишневая, глава у ней кувшинцами, а рот цветет, аки желтый шелк, а листвие лапками».

В воображении народном, писал А. Щапов, «вся природа представляется... покорною рабою господу вселенной, глубоко сочувствующею правосудию его, соболезнующею о грехах людских». С точки зрения этой поэтической мифологии вся природа обретала эстетически высокий и этически активный смысл. Мифология не столько подавляла, сколько раскрепощала человека, который ощущал себя сыном одушевленной природы. Народ верил, что добрый человек может укрощать силы природы, а злой навлекать на себя немилость и гнев. Почитаемые народом праведники силою веры могли, например, вернуть в свои берега разбушевавшиеся при наводнении воды реки, укрощать диких зверей, «повелевать громами». Катерина Островского обращается к буйным ветрам, травам, цветам по-народному, как к существам одухотворенным. Не почувствовав этой первозданной свежести ее внутреннего мира, не поймешь жизненной силы и мощи ее характера, образной красоты ее языка. «Какая я была резвая! Я у вас *завяла* совсем». Метафора в контексте монологов Катерины теряет оттенок условности, пластически оживает: цветущая заодно с природой душа героини действительно увядает в мире Диких и Кабановых.

Говоря о том, как «понят и выражен русский сильный характер в «Грозе», Добролюбов справедливо заметил, что он «сосредоточенно-решителен, неуклонно верен чутью естественной правды, исполнен веры в новые идеалы и самоотвержен в том смысле, что ему лучше гибель, нежели жизнь при тех началах, которые ему противны». Однако в определении истоков внутренней цельности характера Катерины Добролюбов отступил от духа трагедии Островского. Нельзя согласиться с тем, что «воспитание и молодая жизнь ничего не дали ей». Без монологов-воспоминаний Катерины о днях юности вообще нельзя до конца понять как ее вольнолюбивый характер, так и ее идеалы.

«Каким образом может она выдержать себя? Где взять ей столько характера?» –

задает вопрос Добролюбов и отвечает:

«Натура заменяет здесь и соображения рассудка и требования чувства и воображения: все это сливается в общем чувстве организма, требующего себе воздуха, пищи, свободы. Здесь-то и заключается тайна цельности характеров, проявляющихся в обстоятельствах, подобных тем, какие мы видели в “Грозе”, в обстановке, окружающей Катерину».

Таким образом, в окружении Катерины Добролюбов не почувствовал ничего светлого и жизнеутверждающего. Источник цельности характера героини он искал в антропологически понятой «натуре», в инстинктивном порыве живого «организма». Но инстинкты Катерины социальны, они зреют в определенной культурной среде, они просквозены светом народной поэзии, народной нравственности. Там, где у Добролюбова на первый план выходит исторически разбуженная натура, у Островского торжествует пробивающаяся к свету добра и правды народная культура. Юность Катерины, по Добролюбову, — это «грубые и суеверные понятия», «бессмысленные бредни странниц», «сухая и однообразная жизнь». Юность Катерины, по Островскому, — это утро природы, торжественная красота солнечных восходов и закатов, росистые травы, светлые надежды и радостные молитвы.

Подменив культуру натурой, Добролюбов не почувствовал принципиального различия между жизнью Катерины в доме матери и семейной атмосферой в доме Кабановых. Критик, конечно, не мог не заметить, что у Кабановых «все веет холодом и какой-то неотразимой угрозой: и лики святых так строги, и церковные чтения так грозны, и рассказы странниц так чудовищны». Но как объяснил он эту перемену?

«Они все те же в сущности, они нисколько не изменились, но изменилась она (Катерина) сама: в ней уже нет охоты строить воздушные видения...»

Однако «охота строить воздушные видения» не только не пропала, но, напротив, обострилась в семействе Кабановых. Иначе откуда бы появиться знаменитому восклицанию героини: «Отчего люди не летают!» И конечно в доме Кабановых Катерина встречает не то же самое, а решительные перемены. «Здесь все как будто из-под неволи», здесь поселился суровый религиозный дух, здесь выветрился демократизм, исчезла жизнелюбивая щедрость народного мироощущения.

По ходу действия Катерина не видит и не слышит Феклуши, но принято считать, что именно таких странниц немало перевидела и переслышала Катерина на недолгом своем веку. Монолог Катерины, играющий ключевую роль в трагедии, опровергает подобный взгляд. Даже странницы в доме Кабанихи другие, из числа тех ханжей, которые «по немощи своей далеко не ходили, а слышать много слышали». И рассуждают они о «последних временах», о грядущей кончине мира. Здесь царит недоверчивая к жизни религиозность, которая на руку столпам общества, деспотичным Кабанихам, злым недоверием встречающим прорвавшую плотины, хлынувшую вперед народную жизнь.

Рядом с такой аскетически-непримиримой религиозностью в России XIX века существовала иная, демократическая в своих истоках, религиозная культура, к которой с любовью и доверием обращался революционер-демократ Щедрин в разделе «Странники и богомольцы» из «Губернских очерков» (вспомним поэтический образ Пахомовны из одноименного рассказа). Ее воспел Некрасов в поэме «Тишина» и стихотворении «Влас», ей отдал дань уважения и восхищения Тургенев в «Записках охотника» (Лукерья в рассказе «Живые мощи», Касьян, мальчики из «Бежина луга»). Из тех же демократических глубин выплывает чистая душа Катерины Островского.

В вещих снах видятся Катерине не «последние времена», а «земли обетованные»:

«Или храмы золотые, или сады какие-то необыкновенные, и все поют невидимые голоса, и кипарисом пахнет, и горы и деревья будто не такие, как обыкновенно, а как на образах пишутся. А то будто я летаю, так и летаю по воздуху».

И в снах — мечты о гармонической счастливой жизни: сад у дома матушки превращается в райский сад, пение странниц подхватывают невидимые голоса, душевная окрыленность переходит в свободный полет. «Небесное» и в снах Катерины органически связано с повседневным, земным. В народных верованиях снам отводилась особая роль. И.П.С ахаров писал

«Нет женщины, нет девушки в наших городах и селениях, которая бы не верила снам. В старину бывало со всяким сном хаживали женщины к ворожейкам. И тогда русские сны можно было назвать по справедливости чудными снами. Все, что ни увидят во сне, все сбывалось наяву».

В монологах Катерины воплощаются заветные народные чаяния и надежды. Островский здесь не одинок. У тургеневского Касьяна, религиозного странника и правдоискателя, христианский идеал рая тоже сводится с небес на землю:

«А то за Курском пойдут степи... И идут они, люди сказывают, до самых теплых морей, где живет птица Гамаюн сладкогласная, и с дерев лист ни зимой не сыплется, ни осенью, и яблоки растут золотые на серебряных ветках, и живет всяк человек в довольстве и справедливости».

Пожалуй, главной ошибкой в сценических интерпретациях Катерины было и остается стремление или стусевать ключевые монологи героини о жизни до замужества, или, напротив, придать им излишне мистический смысл. В одной из классических постановок «Грозы», где Катерину играла Стрепетова, а Варвару — Кудрина, действие разворачивалось на резком противопоставлении двух героинь. Стрепетова играла женщину из раскольничьей семьи, религиозную фанатичку, Кудрина — девушку земную, жизнерадостную и бесшабашную. Тут была явная однобокость, причем не в пользу Катерины. Ведь Катерина тоже земной человек; ничуть не менее, а скорее более остро, чем Варвара, ощущает она красоту и полноту бытия. Только земное у Катерины более поэтично и тонко, оно согрето теплом нравственной истины. А когда в монологах Катерины-Стрепетовой о юности звучала «глубокая вера фанатички-раскольницы» и зрителям казалось, что она «галлюцинирует», цельность и гармония образа разрушались. Нежность и удаль, мечтательность и земная страстность сливаются друг с другом в характере Катерины, главным в нем оказывается не мистический порыв прочь от земли, а нравственная сила, одухотворяющая земное бытие.

В Катерине торжествует жизнелюбие русского народа, который искал в религии не отрицание жизни, а утверждение ее. Здесь с особенной силой сказался народный протест против аскетической, домостроевской формы религиозной культуры, протест, лишенный нигилистического своеволия таких героев «Грозы», как Варвара и Кудряш. Душа героини Островского — из числа тех избранных русских душ, которым чужды компромиссы, которые жаждут вселенской правды и на меньшем не помирятся.